

О. В. КРУГЛОВА

МЕЗЕНСКАЯ РОСПИСЬ ПО ДЕРЕВУ

(По материалам экспедиции 1961 г. в Архангельскую область)

Мезенская роспись по дереву — один из интереснейших и вместе с тем очень малоизученных разделов русского народного искусства. Не случайно за последние годы многие научно-исследовательские учреждения и музеи посылали свои экспедиции в районы р. Мезень.

Еще в 1924 г. краевед П. Г. Истомин упоминает с. Палошелье на Мезени как крупный центр росписи прялок¹, а в статье С. Томилина² (1926 г.) подробно рассмотрена схема росписи палошельских прялок, в основе которой лежат два фриза: верхний — с изображением оленей и нижний — лошадок с уздечками в окружении разнообразного геометрического орнамента (рис. 1). Вот все, что было известно в литературе о мезенской росписи.

Экспедиция Загорского государственного историко-художественного музея на р. Мезень в 1961 г.³ поставила перед собой комплекс вопросов, выяснение которых положило бы начало серьезному изучению истории этого центра народной росписи. В первую очередь было важно узнать, только ли в с. Палошелье на Мезени бытовала подобная роспись, многие ли жители села занимались ремеслом, как широко по губернии расхищалась их продукция, имена лучших мастеров, технику росписи, когда угас промысел и т. д.

Мы обследовали все среднее течение р. Мезень, начав работать от устья р. Вашки, дошли до деревень, расположенных за р. Сула.

Кроме Палошелья, на Мезени крупных центров народной росписи нам не встретилось. Правда, в деревнях, расположенных близко от Палошелья, отдельные мастера занимались росписью прялок и корбеек; например, в дер. Усть-Кыма — Новиков Михаил Андреевич (1854—1926 гг.), в дер. Коношелье — Новиков Евлампий Иосифович (1850—1920 гг.), но эти мастера были выходцами из с. Палошелья.

Палошелье — большое северное село, расположенное на высоком берегу среднего течения Мезени. Раньше почти все жители занимались росписью прялок, лукошек, хлебенок⁴ и корбеек. Промысел охватывал все село.

В беседе с нами восьмидесятилетний житель села Т. И. Шишов вспоминал, что вся их деревня кормилась изготовлением и продажей прялок. Ремеслом занимались в длинные северные зимы, а летом работали по хозяйству. Лугов крестьяне почти не имели, поэтому и скота держали мало. Промышляли в лесу охотой, гнали деготь. Работали семьями, без наемных работников. Каждый мастер сам для себя рубил прялки и расписывал их. Никакого разделения труда в промыслах не было. Для больших базаров, ярмарок расписные изделия готовили целыми возами и по санному пути возили продавать не только в селения, расположенные по Мезени, но и на Пинегу, Печору и даже к истокам Онеги.

Об интенсивности промысла в конце XIX в. и в первые два десятилетия XX в. свидетельствует широкий сбыт продукции в очень отдаленные от с. Палошелья районы. В деревнях на Пинеге расписные прялки, завезенные сюда из Палошелья, нам встречались так же часто, как и в деревнях, расположенных на Мезени.

Промысел в с. Палошелье стал постепенно затухать в середине 1920-х годов. Не случайно именно к этому времени (к 1924 г.) относится возникновение нового центра росписи прялок по типу мезенских в с. Покшеньга на р. Пинеге, куда, видимо, стали уже редко привозить мезенские прялки.

¹ П. Г. Истомин, Современное искусство на Севере, «На Северной Двине» (Сборник Архангельского общества краеведения), Архангельск, 1924, стр. 21.

² С. Томилин, Кустарничество прялок в с. Покшенском, «Бюл. Северо-Восточного областного бюро краеведения», вып. 2, Архангельск, 1926, стр. 27.

³ В состав экспедиции входили: О. В. Круглова — зав. отделом народного искусства Государственного историко-художественного музея-заповедника, Л. М. Маркова и С. Н. Минкевич — студенты Загорского художественно-промышленного училища.

⁴ Лубяная коробка (типа лукошка) с крышкой.

Отдельные кустары в с. Палощелье продолжали еще работать вплоть до 1930-х годов. Среди привезенной нами коллекции одна прялка имеет надпись: «1930 г. Новиков Григорий». Г. А. Новиков (1895 г. р.) и сейчас живет в селе. Его рассказ открыл нам тайны техники мезенской росписи.

Роспись на прялки наносилась суриком. Сурик растирали из камня с углублением и разбавляли раствором древесной смолы (по местному «серы»). Ее собирали на стволах лиственниц и разводили в теплой воде. Потом красный узор обводили черной краской. Черную краску тоже делали сами: сажу смешивали с тем же раствором «серы», а затем очень долго парили. Благодаря этому краска не линяла. Готовую роспись покрывали олифой, которую иногда приготавливали и сами из конопляного семени. Цена прялки, вспоминает Г. А. Новиков, была от 25 до 50 копеек.

На многих из привезенных нами прялок эта цена заранее представлена самими мастерами. Например, в надписи на прялке, купленной нами в дер. Засулье, сообщаются следующие сведения: «1900 года цена 35 коп. писал прялку Егоръ Михайловъ Аксеновъ. Кого люблю тому дарю прялку».

Некоторые надписи на мезенских прялках говорят и о другой, не денежной, форме расплаты крестьянина с мастером. В этом отношении большой интерес представляет прялка, купленная нами в дер. Едома (на р. Вызя). Надпись на ней такая: «1921 г. 4 декабря расбѣтал прялку Егоръ Мих. Аксеновъ по заказу в д. Едому Мартеллу И. Малышеву цена прялки 20 фунтов хлеба деревню Едому» (рис. 2). Значит, в среднем в 1921 г. прялка оценивалась в 20 фунтов хлеба. Видимо, спрос на расписные прялки был еще очень велик, если в трудный 1921 год за прялку платили так дорого. А промысел затухал и не мог удовлетворить потребности даже местного населения, не говоря уже о вывозе продукции на Пинегу, Печору и Онегу. Приведенные выше надписи представляют для нас интерес не только благодаря указанию цены прялки, но и своей датировкой и, главное, подписью мастера. Иногда на прялке имеется лишь цифра «25» или «30», обозначающая стоимость прялки; иногда указан год росписи прялки. Нередко из надписи мы узнаем фамилию или только имя мастера. Подчас надпись носит характер дарственной. Очень распространены были надписи, восхваляющие прочность и качество изделия. Например, на одной из прялок нашей коллекции читаем: «1908 года 26 работал Прокопий Семеновъ Господин Новиков прялка прочная будешь держать и поминати». Рядом с надписью «Господин Новиков» поместил, видимо, свое изображение — мужчину в шляпе, важно раскуривающего трубку.

Рис. 1. Роспись на прялке. Конец XIX в., с. Палощелье

Рис. 2. Деталь росписи прялки. Мастер Е. М. Аксенов, 1921 г.,
с. Палощелье

Часто надписью автор старается раскрыть содержание своей композиции; так, на одной из прялок под центральной композицией и изображением судна автор поясняет: «Параходъ Ермакъ ледоколь Тихаго окиана».

Очень редко в дореволюционном народном искусстве, особенно на деревянных бытовых изделиях, удается встретить подпись самого автора. Мезенская экспедиция дала в этом отношении богатейший материал. Почти все ведущие мастера промысла подписывали свои лучшие изделия. Эти надписи свидетельствуют о гордости авторов за свое ремесло, за качество изделий, красоту росписи, которой они покрывали свои немудреные произведения, пользовавшиеся большой популярностью в народе.

Четырнадцать произведений из привезенной коллекции удалось совершенно точно аннотировать и выяснить их авторов (семь из них имеют авторские подписи). Нам удалось также составить список ведущих мастеров мезенской росписи приблизительно за последние 50 лет существования промысла (с 1880 по 1930 г.). В этом списке 24 человека, причем фигурируют только четыре фамилии — Новиковых, Аксеновых, Кузьминых и Федотовых. Это вообще наиболее распространенные фамилии села, что очень затрудняло работу экспедиции по выяснению имен мастеров. Несмотря на это, нам удалось уточнить не только имена лучших художников Палощелья, но и годы их жизни.

Росписью прялок и коробок в с. Палощелье занимались только мужчины, женщины никогда не принимали участия в этой работе. Ремесло передавалось от отца к сыну.

Чаще всего прялки изготовляли одиночные мастера, а иногда ремеслом занимались целые семьи. Например, с середины 1880-х годов и до затухания промысла расписывали прялки в Палошеле братья Новиковы (Сидор Алексеевич, Михаил Алексеевич и Матвей Алексеевич). В музей привезены четыре прялки их работы, одна из них подписана лучшим художником промысла — Михаилом Новиковым.

Раньше Новиковых (с 1870-х годов и до конца существования промысла) работали в селе два брата Кузьмины (Федор Яковлевич и Гаврило Яковлевич). В 1890-х годах к ним присоединяется сын одного из них (Семен Федорович). Тогда же начали работать братья Аксеновы (Григорий Михайлович и Филипп Михайлович), а в 1920-е годы и его сын (Ларион Филиппович).

Из составленного нами списка в 24 человека два мастера живы — это Новиков Григорий Андреевич (1895 г. р.) и Кузьмин Григорий Герасимович (1890 г. р.).

Среди собранной во время экспедиции коллекции выгодно выделяются произведения замечательного мастера промысла Михаила Алексеевича Новикова (1870—1936). Нам удалось приобрести две прялки его работы. На одной из них центральная часть композиции на внутренней стороне занята изображением двух бегущих коньков и двух черных собачек (рис. 3). Над коньками и под ними идут полосы несложного, но очень ритмичного геометрического орнамента с чередованием полос из стилизованных курочек, которые напоминают при беглом взгляде распушенные барашки весенней вербы. Широкий гребень прялки завершен городками, напоминающими купола русских храмов с повторяющимся изображением традиционных курочек. Полосы геометрического узора и стилизованных курочек чередуются и на фасадной стороне гребня прялки. По центру проходят два широких фриза — верхний из оленей с ветвистыми рогами, нижний из коней с уздечками. Самая нижняя, узкая часть гребня занята изображением бегущего конька. Роспись этой прялки отличается гармонией соотношения отдельных орнаментальных полос в общей композиции гребня, простотой и наивностью решения центральной композиции с двумя бегущими коньками. Все в этой росписи напевно, гармонично. В ней чувствуются и широкое использование древних традиций промысла, и новое творческое переосмысление старинных образцов.

На донце прялки имеется надпись: «1898 Михайло». Сначала она привела нас в уныние своей краткостью. Ну что можно выяснить только по имени автора, не зная даже его отчества! Эта прялка была куплена в с. Койнас, еще до работы в с. Палошеле. Но когда мы собрали обширные сведения о мастерах промысла, то поняли, что

Рис. 3. Роспись на прялке. Мастер М. А. Новиков. Конец XIX в., с. Палошеле

эта короткая надпись говорит о большой гордости автора за свою работу. Михайло был лучшим мастером промысла и не допускал мысли, что его работу могут спутать с чьей-либо другой.

Аналогичную схему росписи находим и на прялке с одним бегущим коньком (в центре композиции) работы другого мастера промысла — Василия Дорофеевича Аксенова. Еще в предыдущую (1960 г.) экспедицию мы привезли с Пинеги единственную подписанную прялку. На ней автор указывает только имя и отчество — «Василий Дорофеев». До поездки на Мезень в с. Палощелье, не имея никаких сведений об истории промысла, мы приняли отчество автора за его фамилию. И только в Палощелье нам удалось выяснить, что эта прялка сделана одним из лучших мастеров села — Аксеновым Василием Дорофеевичем.

Еще в недалеком прошлом наша искусствоведческая литература умалчивала о с. Палощелье на Мезени как интересном центре крестьянской жанровой росписи. Считались достойными упоминания в этом плане северодвинская, вологодская и городецкая росписи.

Тематика мезенской росписи подсказывалась самой жизнью. Например, изображенные на прялках М. Новикова бегущие лошадки и олени — основной транспорт Севера в те годы; и черные лохматые собачки — охотничьи лайки Севера, и орнаменты из пушистых курочек, и пояса узора из плывущих по волнам и летящих уток, и венчающие прялку купола храма — все это взято художником из окружающей его действительности.

И это не единственные примеры творческого переосмысления древней, давно сложившейся схемы росписи мезенской прялки. В этом отношении представляет интерес группа прялок нашей коллекции, где на центральной композиции изображены два вздыбленных конька. Таких прялок у нас несколько. Одна из них была привезена еще с р. Пинеги. На ней изображены висящий над костром котел, над которым взвились на дыбы два коня. Видимо, это изображение в более древние времена имело определенное магическое значение, но в конце XIX в. оно было уже непонятно автору. Поэтому мы и встречаем такое большое разнообразие все нового и нового переосмысления этой темы. Так, на прялке работы Ф. И. Федотова (1860—1930) рядом со вздыбленными конями автор поместил лающую собаку и птицу на дереве. Иногда же мастер старается переосмыслить и сделать понятным для окружающих и самый сюжет — взвившихся на дыбы двух лошадей. Например, на прялке работы мастера С. Я. Кузьмина (1856—1920) на взвившихся лошадях уже сидят два всадника и композиция напоминает поединок.

На другой прялке — работы И. М. Новикова — подобная композиция приобрела еще более реальные и современные формы. У всадников на взвившихся конях в руках шашки. Над этой сценой боя двух всадников автор помещает надпись: «казачи на конях». Если внимательнее рассмотреть роспись этой прялки, можно заметить, что на всех коньках, размещенных на своих традиционных местах композиции фасадной и внутренней стороны, сидят всадники, — роспись благодаря этому стала понятней и ближе современникам. Под изображением казаков вместо орнамента из традиционных курочек идет очень интересный ритмичный и опять по-новому переосмысленный автором узор, изображающий петушков, роющихся в земле в поисках зерен.

Самые интересные жанровые сцены на мезенских прялках размещались всегда на внутренней стороне гребня. В них художники Палощелья рассказывают о жизни своего села, о труде и отдыхе односельчан, о диковинках, которые они видели, когда уходили на заработок к морю.

Большое место среди жанровых композиций мезенской росписи занимают сюжеты, связанные с сельской жизнью, в которых очень часты изображения домашних животных. Здесь мы находим и петуха, важно разгуливающего с курами, и бегущих галопом быстрых коньков, и черных лохматых собачек.

Интересны сцены северной охоты. Этот сюжет имел очень большое распространение, так как почти каждый художник Палощелья был еще и охотником. И в нашей коллекции есть прялки с изображением сцен охоты: на одной композиции — охота с луками, на другой — охота на уток с ружьем и двумя собаками (рис. 4). Несмотря на примитивный рисунок этих композиций, основное их содержание художник доносит до зрителя очень четко и доходчиво.

Особенной живостью и непосредственностью отличаются сцены народного отдыха — среди них и сцены веселого праздничного катания на санях, и разнообразные сцены верховой езды. Явная несоразмерность фигур людей и лошадей не мешает центральным композициям в целом быть очень выразительными, понятными, красивыми по построению и гармоничными по цветному решению.

В росписях некоторых прялок художники рассказывают в несложных композициях о красоте и грандиозности пароходов и даже океанских судов. На прялке работы Аксенова изображено большое судно, на котором идет работа: матросы взбираются на высокие мачты, один из матросов поворачивает руль управления; другой что-то сообщает в рупор. Работа датирована 1900 г., когда наметился некоторый упадок промысла.

Рис. 4. Деталь росписи прялки. Конец XIX в., с. Палощелье

Даже небольшая коллекция мезенской росписи, собранная Загорским государственным историко-художественным музеем, которую мы вправе считать лишь крупицей того, что было создано этим промыслом за многие десятки, а может быть, и сотни лет, дала очень интересный материал по крестьянской жанровой росписи конца XIX и начала XX в.

К сожалению, нам удалось собрать материалы, касающиеся истории промысла приблизительно лишь за последние 50 лет его существования. Судить о более ранней его истории можно только по единичным произведениям, которые собирались музеями в первые десятилетия нашего века. Но кроме самих произведений, музеи никаких дополнительных сведений об истории промысла, относящихся к более раннему времени, не имеют. Остается загадкой время возникновения промысла и интереснейшего центра росписи прялок на Мезени.